

Смирнова Т.В.

В.В.Розанов, кошки и собаки

«По содержанию литература русская есть такая мерзость, – такая мерзость бесстыдства и наглости, как ни единая литература», – писал Розанов в «Апокалипсисе нашего времени». Да, высказывание шокирует. Но, из чего же писатель делает такой вывод? Он приводит услышанный им чей-то рассказ: «...вот один старик лет 60 “и такой серьезный”, Новгородской губернии, выразился: “Из бывшего царя надо бы кожу по одному ремню тянуть”. Т.е. не сразу сорвать кожу, как индейцы скальп, а надо по-русски вырезывать из его кожи ленточка за ленточкой.

И что ему царь сделал, этому “серьезному мужичку”».

А перед рассказом о “мужичке” такие слова: «Остался подлый народ»¹.

Понимал ли Розанов раньше, сколь жесток русский народ? Понимал. И предупреждал. Понимал, когда писал о жестокости к животным. Понимал, как тесно связано сострадание к животному и сострадание к человеку. А понимали ли это русская литература? О милосердии к животным в русской литературе, наверное, впервые было сказано в житии преподобного Сергия Радонежского, составленном в XV веке. Есть разные мнения о том, кормил ли преподобный на самом деле голодного медведя хлебом, или этот эпизод является переложением на русскую почву жития кого-то из древних святых, например святого Герасима, у которого был лев. Или, как полагают некоторые, в истории с медведем надо видеть символ победы христианства над язычеством – у языческих мерянских племен, заселявших Радонежье, тотемом был медведь. Это не так важно. Существенно другое: в житие одного из самых почитаемых святых Русской земли включена мысль о необходимости милосердия к братьям нашим меньшим. Потом об этом забыли. Забыли на столетия.

Наступило время расцвета русской литературы: Пушкин, Лермонтов, Гоголь... Нет, наша классическая литература и не вспоминала о сострадании к животным. Есть, правда, исключение: «Детские годы Багрова-внука». С.Т. Аксаков вспоминает, как в детстве он услышал какой-то жалобный визг в саду и стал просить, чтобы послали посмотреть, что «верно, кому-нибудь больно». То визжал крохотный, еще слепой щеночек. «Мне его стало так жаль, что я взял этого щеночка и закутал его своим платьем». Этот чудесный фрагмент позже помещали в сборники рассказов о животных для детей.

Но почему именно Аксаков ввел в литературу такую тему? Да потому, что его книга была в нашей литературе первой книгой о детстве. Раньше этот период жизни человека не привлекал внимания писателей. И одновременно это была книга для детей. Так, может быть, ребенок еще не ощущает резко границу, отделяющую человека от животного, и чувствует боль животного как свою собственную? Только потом, взрослея, начинает считать себя царем природы и отстраняет себя от животных? И лишь немногим суждено в отношении к животным остаться детьми, вернее, людьми. К сожалению, это не так. Каждый, наверное, может вспомнить не один случай крайней жестокости детей. Психолог Владимир Леви, рассказывая о том, как мальчишки повесили кота, повесили просто так, делает на основе своих исследований вывод, что примерно 10% детей обязательно повесят кота, 10% не сделают этого никогда, а остальные могут повесить или не повесить, смотря по обстановке.

Тема, затронутая Аксаковым 150 лет назад, несомненно еще получила развитие в нашей литературе. Можно бы, кажется, возразить, вспомнив «Муму» или «Дедушку Мазая и зайцев». Но присмотримся внимательнее к этим произведениям. Мы плачем в детстве над собачкой. А, вырастая, догадываемся, что Тургеневу этот сюжет понадобился, чтобы показать ужас крепостного права. А дед Мазай?.. Не охотничий ли это анекдот,

рассказанный Некрасовым? Да и вообще, кому сочувствуют эти писатели-охотники, убивающие зверей и птиц не ради необходимости, а для забавы?

Правда, Достоевский в «Дневнике писателя» 1876 года откликнулся на 10-летний юбилей Российского Общества покровительства животным. Впрочем, быстро перешел к привычной теме людских страданий. Создается впечатление, что эта заметка была для писателя только поводом, давшим возможность еще раз поговорить о людях². На случаи бесчеловечного отношения к человеку он откликался весьма многословно, о чем свидетельствует тот же «Дневник». В нем есть, кстати, удивительное сравнение – муж сек жену как кошку. Что же – кошку, значит, можно сечь? И это не вызывает протеста писателя?

Но вот подходит к концу XIX век. Литература становится все гуманнее, все больше полнится она произведениями, вызывающими жалость к страданиям животных. Даже точнее – ко всему живому. «Березку, зверя, цветик алый и все в природе сохрани...» – призывает Сергей Городецкий. Выжимает слезы своей «Кусакой» Леонид Андреев. Игорь Северянин умиляется девочке, пожалевшей ласточку со сломанной лапкой («В парке плакала девочка...»). Но большинство литературных корифеев разве лишь мимоходом обращают внимание на мир животных. И вот выступает Розанов. Нет, не с рождественским рассказом, подобным чеховской «Каштанке». Розанов обращается к взрослым. И обрушивает на читателя горы трупов, трупов кошек и собак. Он понимал: впереди были человеческие гекатомбы. И взял случаи предельные. Предельной нравственной тупости людей, чудовищной жестокости. Вот в «Новом Времени» опубликовано письмо читателя «В защиту кошек» о том, как кошатники заготавливают кошек ради шкурок³. ««Кошкодер» (хорошо название!) всех снесенных к нему с деревни кошек одурманивает так: берет ее за задние ноги и бьет головой о телегу или сани и потом бросает в воз. А в предупреждение побега кошек, недостаточно одурманенных, он руками переламывает у кошки все четыре ноги. С таким

полуживым, издыхающим несколько дней товаром воз ездит по селам, пока не наполнится. Перелом и одурманение настолько “удается” или “не удается”, что множество кошек корчатся в конвульсиях от ужасных мук в случае неловкого перелома костей торговцем».

Полагая, что промысла уничтожить нельзя, Розанов призывает применять менее варварские методы умерщвления кошек. Большое страдание заменить меньшим. И далее он развивает мысль, что «человек не научится любить человека иначе, как *через путь любви к животному* домашнему, дикому, какому-нибудь, но вообще животному. Научись понимать простейшее, элементарное; заметь проблески характера, нрава, т.е. во всяком случае “души” у коровы, собаки, кошки, попугая, канарейки; полюби кролика, заведи на кухне кошку – и чуть-чуть твой характер смягчится, округлится и скажется в более веселом и спокойном тоне с прислугою, большей ласкою с детьми, а, наконец, и лучшим отношением к человеку». Такие призывы хочется повторять снова и снова. Эти истины, к сожалению, не устаревают. Трудно удержаться и не привести еще хотя бы двух фраз из этой статьи Розанова. «Животное мирное и покорное, всегда ласковое к человеку, как-то страшно побить. А если в одном и в другом случае вы пожалеете животное, когда-нибудь в непредвиденном случае вы пожалеете и человека».

Впервые эта статья Розанова была напечатана в «Новом Времени» в 1902 году. В 1905-ом он включил ее в сборник «Около церковных стен». На первый взгляд странно. При чем здесь Церковь? Ответ можно найти в другой статье, также включенной писателем в этот сборник. Под заголовком «Вопиющее варварство» в газете было помещено письмо читателя о том, как с живых собак и живых лошадей сдирают кожу – кожа, снятая с живого животного, лучше по качеству. Ободранное животное даже не добивают. И так делается в России повсеместно.

Розанов откликнулся статьей «О милости к животным»⁴. «Вы не испытываете ужаса? – восклицает он, – решительного ужаса при этих дьявольских муках ради грошового интереса? Да что же, есть на месте этом священник? Ведь тут – религия; ведь он мог бы объяснить, что Бог животных сотворил *наряду* с человеком? Бросим, безнадежно».

Да, оказалось – безнадежно. А ведь именно священники могли бы донести до прихожан разного возраста мысль о милосердии к животным. Священники преподавали в школах. Они могли бы с детства прививать детям правильное отношение к животным. Пусть в литературе для взрослых вопрос о милосердии к животным почти не поднимался, но детская литература начала XX века была переполнена рассказами и повестями такой тематики. Священник мог рекомендовать ее детям. Пусть не во всякой деревне была школа, но в церковь-то ходили все крестьяне.

В биографическом справочнике «За Христа пострадавшие» приведено немало свидетельств о чудовищных истязаниях священников⁵. 1918 год. Еще нет судов, троек. Но есть бессудные расправы. И как часто встречаются слова: «зверски замучен» Вот, нанеся рану, закапывают живым, не обращая внимания на мольбу священника прикончить его, вот, привязав камень на шею, топят в реке, вот перед казнью вывертывают все суставы, вот сажают епископа на кол, а монахиню заживо сжигают на медленном огне. Вспомнили тогда кто-либо из них о тех муках, которые испытывали кошки и собаки, за которых они не сочли нужным заступиться?

И не наступает ли Церковь на те же грабли сейчас? В прошлом году осенью в сергиево- посадской газете появилась заметка, что из Троице-Сергиевой лавры вывезли и выбросили в мешках около трех десятков котят и кошек⁶. Выбросили на мусорную свалку. Животные были обречены на мучительную смерть. Случай этот получил большой резонанс. Вмешалось Общество защиты животных. Из Москвы приехали члены общества «Кот и пес», с трудом нашли и спасли семерых больных котят. А архимандрит о.

Порфирий в интервью газете сказал: «Гораздо проще их было бы, в конце концов, просто усыпить. Но мы пошли по более гуманному пути». Гуманный путь! Выбросить беспомощных животных в безлюдной местности, где вокруг нет никакого корма...

Но вернемся к Розанову. Итак, вышел сборник «Около церковных стен». И что? Нет, русскую литературу всколыхнуть не удалось. Ни писатели, ни читатели, видимо, не задумались о том, какая страшная жестокость таится в душе русского народа, который так привычно называли народом-богоносцем. Вот как откликнулся Андрей Белый: «Прочитаешь – скажешь: глубоко, занимательно. И отложишь, принимаясь за круг привычных дел»⁷. И это писатель-провидец, человек, писавший: «Мир рвался в опытах Кюри атомной лопнувшей бомбой, /На электронные струи невоплощенной гекатомбой...»⁸.

Как справедливо писал Розанов: «Народ рос совершенно первобытно с Петра Великого, литература занималась только “как они любили” и “о чем разговаривали”. И все “разговаривали”, и только “любили” и еще “любили”⁹. А Церковь была озабочена обрядовой стороной больше, чем попечением о душе народа. И вот пришло время, и «Митюха <...>начал грабить, а кто оказывал сопротивление – того убивал»¹⁰.

¹ *Розанов В.В.* Апокалипсис нашего времени / Розанов В. Миниатюры. М., 2004. С. 479–481.

² *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя. 1876 / Достоевский Ф.М. Собрание сочинений. М., 1999. Т. 18. С. 162–168.

³ *Розанов В.В.* О сострадании к животным / Розанов В.В. Собрание сочинений. Около церковных стен. М., 1995. С. 318–320.

⁴ *Розанов В.В.* О милости к животным / Розанов В.В. Собрание сочинений. Около церковных стен. С. 212.

⁵ За Христа пострадавшие. Гонения на православную Церковь. 1917–1956. Биографический справочник. М., 1997. Кн. 1. С. 71–72, 87, 175, 176, 203, 210–211, 313–314, 409, 507, 512–513, 529, 551–552, 581, 609, 626.

⁶ Вперед (Муниципальная общественно-политическая газета Сергиево-Посадского района) №№81 и 82 (31.10.2007 и 3.11.2007).

⁷ *Белый Андрей*. Цит. по комментариям: Розанов В.В. Собрание сочинений. Около церковных стен. С. 524.

⁸ *Белый Андрей*. Первое свидание / Стихотворения и поэмы. М.-Л., 1966. С.411.

⁹ *Розанов В.В.* Апокалипсис нашего времени. С. 482.

¹⁰ Там же. С. 493.

Текст опубликован: Вестник Костромского гос. университета им. Н.А. Некрасова. Серия «гуманитарные науки»: ЭНТЕЛЕХИЯ. Кострома, 2008. Т. 14. № 17. С. 92–94.